

Проблемы наследия рассматривались в аспектах сохранения исторического облика города. Подчеркивалось значение деятельности по реставрации культурного наследия, сравнивались принципы реставрации, существующие в разных странах. Обсуждались вопросы, связанные с реставрационным образованием, методы привлечения студентов и активной молодежи к продвижению образа города и региона.

Ключевые слова: историческое и культурное наследие; воспитание; реставрационное образование; реставрация; Иркутск; архитектура; информационные ресурсы. /

The problems of heritage were considered in the context of preservation of the historical look of the city. The participants of the discussion highlighted the significance of the restoration of cultural heritage and compared the restoration principles in different countries. They discussed the issues related to restoration education, methods of involving students and active youth in the promotion of the image of the city and the region.

Keywords: historical and cultural heritage; training; restoration education; restoration; Irkutsk; architecture; information resources.

Наследие. Дискуссионный клуб ИРО СА России / Heritage. Discussion Club of the UAR IRO

текст
Марина Ткачева /
text
Marina Tkacheva

4 февраля возобновил свою работу дискуссионный клуб ИРО САР. В Доме архитектора в формате интернет-конференции прошло обсуждение вопросов, связанных с архитектурным и историческим наследием. В дискуссии принимали участие архитекторы, реставраторы, градостроители, общественные деятели, культурологи из России, Франции, Болгарии. Модератор – председатель Иркутского областного отделения ВООПИК, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИРНТУ Алексей Чертилов.

Публикуем наиболее значимые выступления и предложения, прозвучавшие в ходе дискуссии.

Алексей Чертилов Деятельность по реставрации и охране культурного наследия тормозят многие причины: законодательство подчас не содействует работе, а мешает ей; неподготовленность кадров, давление бизнеса и властных структур. Положительно то, что молодежь в контексте своих проектов занимается и наследием, памятниками. Но огромный минус – они знают, не каковы особенности работы с объектами наследия, не имеют представления, с чем имеют дело, специальной подготовке по реставрации не проходят. Поэтому надо говорить о проблемах сохранения культурного и архитектурного наследия.

Елена Григорьева Как вы охарактеризуете ситуацию с базовым образованием по охране и реставрации в Иркутске?

АЧ Специализацию пытаются закрыть в третий раз. Претензия ректората – малый набор, коммерческие места никто не занимает. Мы пытаемся объяснить, что эта специализация относится к культуре, а не к бизнесу, но нас не слышат. Нужна помощь руководства ИРНТУ. В текущем году бюджетных мест не было. Мне кажется, что подготовки 10–12 человек в год, которая осуществляется сейчас, достаточна. К сожалению, в Иркутск не приезжают учиться из западных регионов; в Красноярске есть своя специализация. Но даже если в ИРНТУ она и сохраняется, то часы на базовые предметы сокращаются, отдаются другим кафедрам.

ЕГ Это кажется странным: на последнем Совете по культуре при Президенте РФ все, в первую очередь Пиотровский и Шумаков, говорили о важности сохранения базового реставрационного образования. Есть ли спрос на специалистов по реставрации в Иркутске?

Алексей Поликарпочкин Памятники в ужасном состоянии, но должного спроса на реставрацию нет, нет заказов, нет работы. У нас, реставраторов-практиков, не очень получается участвовать в аукционах: победитель известен заранее, никакого конкурса, по сути, нет. Обращаются к нам, к сожалению, мало. Спрос оживился, особенно после 130 квартала, но хотелось бы большего.

АЧ О регламенте, ограничениях и применении. Россия пришла к этому только в 1980-е годы, стали появляться регламенты, проекты зон охраны. Жесткие ограничения есть во всем мире, и никто не протестует против них. Я помню антагонистические споры условных «новаторов» и «консерваторов». Сейчас такой проблемы уже нет.

Владимир Стегайло Жесткие требования, которые мы знаем, должны не усложнять, а обогащать деятельность архитектора. Высшее достижение – проектировать не в «чистом поле», а в окружении памятников, в сложной исторической среде. Но эти ограничения размываются в нашей действительности: они ведут не к спасению памятников, а к их физическому уничтожению. Я всегда ратую за историческую многослойность города, но именно она и не реализуется. В Иркутске умирают даже заповедные улицы – например, улица Бабушкина. Проблема еще и в том, что в городе нет единого консолидированного общественного отношения к охране исторической среды.

Теперь о новом проекте зон охраны (ПЗО). Там так все запутано, что и специалист разобраться не может, тем более непрофессионалы. Консолидированного документа, который бы создавал единое поле деятельности, не получилось. Эта неразбериха распространяется и на мнения профессионалов. Я до сих пор не понимаю, почему в центре надо ограничиваться высотой 18 м. Мы что, забыли про архитектурные доминанты? Ведь если утрачи-

ваются исторический силуэт, то никакие документы, даже самые жесточайшие запреты, не помогут нам сохранить исторический облик города. Я бы призвал и нас, и власть понять, почему это происходит, почему произошла фактическая утрата исторического лица города. Давайте решим, что нам нужно не поднятие высоты всей застройки города до 30 м, а должен быть архитектурный силуэт, доминанты, которые всегда были, а не просто тотальное ограничение высоты. Чтобы двигаться к новому историческому этапу развития, нужно понять, почему произошло то, что мы имеем сегодня? И если повышение этажности уже произошло, то нужно осмысление, что с этим делать. Но когда на практике протаскивается общее повышение высотности, то уже ни доминант, ни исторического облика города не останется.

АЧ Госзаказа на сохранение исторического облика города нет. Поэтому мы и имеем такой город, как сейчас. В Америке мы проходили стажировку по планированию городов, и я только недавно сам понял, что наше законодательство просто бездумно скопировало систему нормирования и планирования американских и западно-европейских городов.

ЕГ Дело не только в индивидуальном отношении и образовании. Одна из проблем сегодня – непрозрачность тех решений, которые принимаются. Миссия СА – влиять на принятие решений и влиять на то, чтобы политика в отношении решений была прозрачной. Может быть, не так быстро, как хотелось бы, но активность городского населения в Иркутске повышается. Несколько лет назад проходил первый форум городских сообществ, и, помнится, я выражала недоумение, что в богатейшем в отношении наследия Иркутске нет такой самоорганизованной общественной силы как, например, Архнадзор в Москве. Это мощное сообщество, которое активно использует СМИ и выступает как скорая помощь в экстренных случаях. Но сегодня и в Иркутске возникает движение горожан, деятелей культуры в защиту исторического наследия, вплоть до обращения в суд. Есть прецеденты положи-

тельных решений в пользу объектов наследия, общественных интересов.

Недавняя инициатива иркутского землячества в Москве – постановление на госохрану иркутских объектов В. А. Павлова – хороший симптом изменения общественного отношения к архитектуре советского модернизма.

АЧ Иркутск несколько раз прославился на всю Россию своими судами по поводу архитектурного наследия. Есть силы во власти и бизнесе, которые включают объекты в список, а потом исключают. Это позор, но такой опыт есть. Я как председатель ВООПИК много раз участвовал в этих судах. Процедура очень неприятная, тратятся здоровье и нервы. Но опыт инициирования таких судебных процессов имеется.

АЧ Документ по ПЗО, с которым мы познакомились только осенью – просто вредительский, он сделан конъюнктурно, непрофессионально. Его переделывать бессмысленно; мы написали губернатору, что надо назначать новую команду и делать все заново.

Надежда Красная Вот конкретный актуальный пример: территория бывшего ИВВАИУ. Сейчас уже несколько

в 20 февраля 2021. Иркутск, заповедная улица Бабушкина. Горит особняк конца XIX – начала XX века. Это уже вторая старинная усадьба, которая горит в Иркутске в течение недели. 17 февраля на улице Декабрьских Событий горела усадьба, которая также входит в перечень объектов культурного наследия. – URL: <https://irk.today/l48>

объектов культурного наследия потенциально определены под снос. Именно здесь должна быть высказана позиция СА: как из контекста вырываются уже не деревянные, а каменные дома, стоящие на госохране, входящие во все списки наследия, почему на этом месте планируется новая застройка – школа, корпуса суворовского училища. Какова процедура? Сначала недобросовестно выполняется акт государственной историко-культурной экспертизы, потом издается приказ службы по охране ОКН и на основании отсутствия ОКН администрацией города выдается градплан. Но всему этому уже предшествует проектная документация с размещением новой застройки на месте ОКН, которая отмечена дипломом на фестивале ЗВС-20. Каким же образом СА дает премию проекту, который не вписывается в контекст, не соотносится с застройкой?

Виталий Барышников Я озвучу более общие соображения, несколько тезисов. Наше общество сегодня находится на своеобразных качелях: мы от полного запрета перешли к полной вседозволенности по отно-

шению к материальному и нематериальному наследию, а сейчас маятник может качнуться в другую сторону. Пример с ОКН: в ноябре на заседании Совета при Президенте России речь шла о создании отдельного органа гос. власти, регулирующего вопросы охраны и использования ОКН и подчиненного непосредственно Правительству. Как мы помним, в 2012 году подобная структура была упразднена и влита в Министерство культуры. Сегодня – обратная тенденция. Многие решения принимаются ситуативно. Упоминались суды. Но это не просто способ фиксации принятых решений; во всех странах это самый цивилизованный, легитимный орган и гарант исполнения решений.

К сожалению, члены нашего сообщества часто используют слова, не совсем понимая их содержание, и обсуждают очень важные проблемы не очень грамотно. Я уж не говорю о том, что и дети не получают должного образования и воспитания по данному вопросу.

В рамках подготовки к 360-летию со дня основания Иркутска, мы работаем над созданием учебного курса «Иркутсковедение». Это учебно-методический комплекс, основанный на приказе Минпросвещения о преподавании историко-культурного стандарта в школе. По поручению мэра мы создаем рабочую группу по разработке концепции предмета «Иркутсковедение», которую хотим утвердить решением Городской Думы, чтобы ее реализация уже не зависела от конкретных людей в органах управления города и их смены, а также разработать план на 2–3 года, т. к. за год реализовать эту концепцию невозможно. В этот курс должны входить:

1. Книга с сюжетами об истории города, м. б. и об архитектуре. Но это должен быть и туристический продукт, куда может быть включен цикл экскурсий по городу с рассказами об архитектуре, о горожанах, Русской Америке, управлении Аляской, о зодчих, духовных деятелях и т. п.

2. Атлас карт Иркутска, начиная с плана острога до сегодняшнего генплана, в развитии. Он может сопровождаться теми архитектурными прогулками по городу, которые были опубликованы в журнале Проект Байкал.

3. Книга для учителя о преподавании Иркутсковедения в школе – это уже следующий год.

v Кадетский корпус на территории ИВВАИУ

4. Наверное, самое сложное – создание хрестоматии с массивом документов по истории города.

5. Большой исторический иркутский словарь – от описания дат в формате карманного календаря до создания списка памятников для туристов.

Сегодня мы говорим именно об этом, о массовом просвещении горожан. На уровне губернатора идет разговор о создании мемориала на основе Глазковского некрополя и месте находок мальтинских Венер. А большинство горожан, не говоря о жителях других городов и стран, понятия не имеют, что это и какова ценность этих объектов. Конечно, мы должны обеспечить все – дорогу, еду, парковки, экскурсии. Но пока мы сами не объясним, почему это ценно и какое значение имеет – всем усилиям грош цена, никто к нам не поедет.

В прошлом году при принятии бюджета на 2021–2023 годы депутаты городской Думы выступили с инициативой о принятии стратегического плана развития Иркутска до 2034 года. И мы уже на первом шаге столкнулись с затруднениями по формулировкам концепции технического задания на разработку этого плана. На площадке ИГУ с участием творческих организаций мы хотим провести дискуссию о том, какую стратегию для города выбрать: город-сад, 25-минутная доступность и т. п. (их больше полутора десятков), и каждая из них исключает другие. И пока мы не договоримся на первом этапе, концепция будет мертворожденной.

Конечно, мы не достигнем полного единства в вопросе полного сохранения архитектурного и шире исторического наследия. Надо говорить о механизмах, которые помогут выявить волю большинства и реализовать ее в наиболее перспективных программах сохранения наследия в городе.

Наталья де Рендинджер Я согласна с Виталием Владимировичем. Мой 10-летний опыт работы с памятниками во Франции позволяет сравнивать российский опыт и французский. На мой взгляд, истоки проблем – вольное отношение к Венецианской хартии 1964 г., где в русском варианте дефиниции основных смыслов сохранения наследия отличаются от мировых и не следуют им. Эти «смысловые ошибки» перетекли в законодательство,

когда консервация памятника, предполагающая во всем мире постоянный уход за зданием, его поддержание в порядке и содержание, в России превращается в спасательные меры, а реставрация, которая везде является скорее мерой исключительной, в России становится нормой. Это первое. Второе. Необходимо ответить на вопрос: что и для чего мы сохраняем? Во Франции исходят из принципа, что памятник архитектуры должен жить, а следовательно, поддерживаться в хорошем состоянии (консервация) и развиваться, как ни странно это звучит. Из этого исходит Служба по сохранению наследия во Франции. Здание не может жить без людей, а следовательно, зачастую предметом охраны является не все здание, а только его наиболее ценные элементы, например, фасад. Все остальное может развиваться и изменяться в силу современных потребностей людей, что не противоречит той же Венецианской хартии. Органы по охране наследия существуют не для тотального запрета всего, что делается, а для мотивации пользователей объектов культурного наследия содержать памятники в порядке. Существуют субвенции на поддержание и реставрацию, выделяющиеся собственникам независимо от их статуса. Во Франции на поддержание памятника государство дает 25%, регион 25%, муниципалитет 25%. Таким образом, в консервацию или реставрацию собственник вкладывает только 25% своих денег. Я понимаю, что для России пока это фантастика, но вполне можно начинать продвигать эту идею хотя бы в плане декларации.

Третий момент, и это главное – постоянный процесс просвещения (pédagogie), пропаганды, если хотите, которые имеют свои видимые результаты. Многие муниципалитеты уже стремятся утвердить свои зоны охраны. При проектировании зон охраны во Франции не только архитектор принимает решения: идут постоянные консультации с муниципалитетами, общественностью, бизнесменами, культурными деятелями. Это равно относится к малым и большим городам. Обсуждение проекта зон охраны начинается с презентации и аргументации архитектором всех ценных элементов городской среды и ее регламентов. Затем идет обсуждение, которое обязательно доводится до консенсуса и происходит в условиях абсолютной прозрачности всех решений. В моем случае,

когда я занималась большой территорией, оказалось, что горожане в процессе обсуждения внесли корректировки регламентов в сторону ужесточения, чтобы сохранить аутентичность городского центра.

Константин Лидин Не в первый раз я вижу пример того, что архитекторы вступают в диалог с властью, выясняя, кто виноват. И оказывается, что виноват бизнес, представителей которого нет. В Восточной Европе ситуация подобна той, что складывается у нас между Москвой и провинцией. Третья сила – общественность. Почему мы к ней так невнимательно относимся? Нельзя же ждать, что молодежь будет читать все эти ПЗО и прочее. Единственный способ обратиться к массам – это

соцсети, блогеры. Сейчас об Иркутске судят по постам Сергея Шмидта, которого заблокировали и разблокировали в ФБ. Вот и найдите молодого энтузиаста города, дайте ему старый номер ПБ с прогулками по Иркутску, пусть он хотя бы прочитает материал (вряд ли он сильно устарел) и сделает ролик по нему. И если эти ролики будут выходит раз в 3–4 дня (реже нет смысла), это будет действительно обращение к массам. Подарочный альбом за 3,5 тыс. рублей не может быть обращением к молодежи. Об Иркутске мало знают, о нем нелепая статья в Википедии. Ее писали русофобы. Иркутск предстает местом, где падают самолеты, а последняя историческая личность – адмирал Колчак, которого здесь расстреляли. Сети – основное средство общения среди молодежи. Небольшие организационные усилия – и можно сделать серию роликов о деревянной архитектуре Иркутска. А если сделать английский подстрочник, то ее будут смотреть во всем мире. Интерес к деревянной архитектуре растет. Но в мире разучились строить из дерева. У нас тоже разучились, но уже и снова научились. Ведь наследие – не в бревнах, а в навыках и людях. Из Иркутска не видно, насколько это ценно и востребовано. Для продвижения имиджа и ценного опыта никакие законы не нужны.

АЧ Наверное, это недостаток, что мы, люди старшего поколения, не передаем в понятной форме свои идеи.

КЛ Если мы хотим обратиться к массам, надо обращаться к ним на их языке. Большинство западных архитекторов тратят много времени и сил на популяризацию своих проектов. Создают красивую красочную картинку, обращаются к человеку с улицы, обязательно вывешивают свои проекты, чтобы в поисковых системах их можно было легко найти. Надо делать именно это. А ждать, когда общественность придет к профессионалам, чтобы разговаривать с ними на их языке – это значит никогда ничего не дожидаться.

НР Два года назад МАРХИ обратился ко мне, чтобы продолжить опыт школы реставрации. К этому проекту можно привлечь не только студентов-реставраторов, но и интересующихся молодых людей, просто активную

> Олег Беседин.
Иркутск. Наброски,
рисунки. 1977–1990.
– URL: https://ic.pics.livejournal.com/besedin_oleg/16692388/489135/489135_800.jpg

молодежь, которая может участвовать в самом процессе реставрации. Это можно и достаточно несложно организовать, пригласив российских студентов или проведя нечто подобное в Иркутске. Это тот же процесс педагогики. Мне в архитектурной школе нравится, что обсуждаются и создаются реальные проекты реального пространства с реальным заказчиком, вполне жизнеспособные. Вполне можно организовывать и выездные лекции в форме путешествий по городу аналогично той игре, которая существует.

ЕГ Понятно, что решение по градостроительным документам и ПЗО должны принимать специалисты. Но я бы не стала называть общение с городскими сообществами утопией. Да, традиционно существует разрыв между профессионалами и потребителями. Но наша работа по комфортной городской среде в Иркутске и малых городах показала, что можно и нужно опираться на мнение и конкретные предложения горожан.

ВБ Советская практика, во многом существующая и сегодня – это когда поставленная задача решалась профессионалами, а потом уже для реализации решений они доносились до сообщества. У современной молодежи уже сложилась иная практика: «не запостил – не было», то есть если не появилось в соцсетях, то и событие не состоялось. Мне кажется, что проблема протеста (отчасти и политического), возникающего сегодня, в том, что большая часть людей, принимающих решения, живет в традиционном формате, не особенно объясняя (в том числе и в соцсетях), как найдено решение, какой логикой руководствовались при его принятии. Это вызывает недоверие. У нас в межпоколенческих отношениях существует определенная традиция в передаче наследия, жизненного опыта. Надо говорить о том, что часть нашего жизненного опыта не работает в отношении к молодежи. И если эту традицию не изменить, мы просто потеряем связь с молодым поколением и в плане отношении к стране, и в отношении к архитектурному наследию города, даже

к родителям и старшим землякам. Поэтому если не 50, то уж 30% процентов усилий надо тратить на объяснение логики наших поступков, популяризацию, в том числе в социальных сетях.

КЛ Со стороны очень заметно, как перекошило ситуацию. Мы, иркутяне, молчим о своей ситуации, а французы о своей не молчат. И создается впечатление, что Иркутск – это пустыня, где ничего не происходит. А потом эта мифологема оказывается самоподдерживающейся, и уже сами иркутяне говорят: «А что у нас, ничего не происходит». Может, нужен какой-то обмен, может, ролики, которые студенты сами о себе делают, понимая, что без интернета нет события, может, посты просто попереводить с подстрочниками. Тогда станет понятно, что Иркутск – это не пустое место в мировом пространстве. А то сейчас уже китайцы обгоняют нас в этом отношении: они не жалеют сил и времени на самопродвижение. Это и смешные ролики, и проблемные, но легкие для восприятия. О нас очень перекошенное представление: кроме холода, о Сибири ничего не знают. А на архитектурных выставках немцы показывают дома, целиком построенные из дерева. И это считается новым словом в архитектуре. Это очень обидно.

АЧ Итог сказанного: если мы сегодня не будем вовлекать молодежь в решение своих проблем, то там, где мы есть – там и останемся. Реставрация потому умирает, что там нет молодежи. И если мы не будем применять новые технологии, то распишемся в собственном бессилии. Я думаю, что нужно найти способ взаимодействовать всем –архитекторам, градостроителям, реставраторам, ландшафтикам, историкам, философам, мастерским, каждая из которых замкнута своих делах. Нет взаимодействия не только между возрастными, но и профессионалами разной специализации.

Идея связи между поколениями с помощью книг, научных статей, современных средств имеет одну цель – сохранение идентичности Иркутска.

То, что Дискуссионный клуб был хотя бы отчасти междисциплинарным – это тоже достижение. Мы понимаем, где мы недорабатываем, понимаем, какими средствами можно эти недоработки ликвидировать.